

Зарубежная историография Бородинского сражения

Образ Бородина, начиная с лермонтовских строк, сопровождает нас в течение всей жизни. Он давно стал важнейшим элементом русского, и не только русского, национального самосознания. Поэтому и не удивительно, что почти через 200 лет после Бородинского сражения, в условиях нового и гигантского перелома в национальной истории мы вновь и вновь обращаемся к памяти о Бородине. При этом мы сегодня хорошо осознаем, что процесс национальной самоидентификации невозможен, если не пытаться взглянуть на себя со стороны, глазами других, если не понять, как формировался образ *России и русского* в сознании других народов. Значительную роль в формировании этого образа сыграл выход за рубежом исторической литературы, посвященной войне 1812 года в Бородинском сражению.

Вопросы зарубежной историографии 1812 года и Бородина затрагивал в своих работах ряд наших предшественников, а именно: А.К. Дживелегов, Л.Г. Бескровный, П.А. Жилин, В.Г. Сироткин, Н.А. Троицкий. При этом, обращение иных авторов к зарубежной литературе (скажем, П.И. Липранди, А.Н. Витмера, А.П. Скугаревского) вряд ли можно отнести к собственно историографии. Наше обращение к зарубежной историографии Бородина отличается тем, что, во-первых, оно претендует на максимально возможную на сегодняшний день полноту, а, во-вторых, ориентируется не на традиционную, а на т.н. «новую историографию», когда внимание заостряется на процессе формирования историографического образа в рамках определенного культурно-исторического и интеллектуального контекста. Другими словами, для нас важно понять, как и почему история повторно разыгрывается в воображении историка.

В зарубежной историографии достаточно определенно можно выделить историографические традиции тех народов, которые участвовали в

Бородинском сражении в составе армии Наполеона (французов, немцев, поляков и итальянцев) и тех, кто в сражении не участвовал (британцев и американцев).

Истоки формирования образов «французского» Бородина тесно связаны с теми чувствами и ощущениями, которые переживались французскими солдатами в день 7 сентября 1812 г. и сразу после него. Испытав сильнейшее напряжение, проявив величайшую доблесть и отбросив противника, солдаты Великой армии считали себя победителями, которые вскоре должны были вступить в Москву и заставить русских подписать мир. Из 93 писем чинов Великой армии, отправленных вскоре после сражения из Москвы в сентябре 1812 г., ни в одном не содержится сомнений в одержанной победе. Следующим фактом, предопределившим своеобразие французской исторической памяти о Бородине, стало издание 18-го бюллетеня Великой армии, написанного Наполеоном и во многом, носившего пропагандистский характер. Однако сразу после падения Первой империи возникла и та традиция во французской историографии, которая была склонна акцентировать внимание на бесполезности потерь, понесенных наполеоновской армией в Бородинском сражении, и ставившая под вопрос сам факт французской победы (работы Р.Ж. Дюрдана, Э. Лабома и др.). Опорой на строгий документальный материал отличалась одна из лучших работ о кампании 1812 года Ж. Шамбрэ. Хотя автор и отдавал победу в битве под Бородином французам, но оценивал ее как недостаточный успех, связанный с вялостью императора и отказом последнего бросить в бой свою гвардию. Подобная точка зрения нашла отражение и в работе Ф.-П. Сегюра. В то же время Ф.-Ф.-Г. Водонкур, Г. Гурго и сам Наполеон в своих устных воспоминаниях отстаивали мысль о полной и славной победе французского оружия в «битве под Москвой». На протяжении нескольких последующих десятилетий эти два направления в историографии «французского» Бородина находили в разной степени свое воплощение в целом

ряде работ (А. Фэна, А.-А. Жомини, Ж.-Ж.-Ж. Пеле, Л. Гувииона Сен-Сира, А.-О.-Л. Коленкура, М. Дюма, П.-П. Денье и др.). Среди наиболее важных дискутировались вопросы о плане Наполеона на сражение, численности противоборствующих армий и их потерь, роли отказа французского главнокомандующего от введения в бой гвардии и др. Однако в целом, несмотря на эти дискуссии, с конца 30-х гг. XIX в. все более стала преобладать «про-наполеоновская» версия, приобретающая в массовой литературе черты сказочного мифа. Этому активно способствовала публикация «Корреспонденции» Наполеона и мемуаров. Книги, бросающие тень на факт безусловной победы под Москвой (к примеру, воспоминания Р.-Э.-Ф.-Ж. Де Монтестье Фезенсака) становились во Франции все большей редкостью.

Несмотря на поражение Франции в 1870-1871 гг. и крах Второй империи, французы в конце XIX в. сохранили стойкий интерес к войне 1812 г. Но он приобрел новую черту: начался массовый выход в свет мемуаров малоизвестных участников событий, бывших в 1812 г. офицерами и даже сержантами (майоров Ж.-Ф. Булара, К.-Ф.-М. Ле Руа, капитанов Жиро де л'Эна, А.-О. Пион де Лоша, В. Дюпюи, лейтенанта Н.-Л. Плана де Ла Файе, сержанта А.-Ж.-Б.-Ф. Бургоня и др.). Были опубликованы дневники капитанов Л.-Ф. Фантена дез Одара и Э.-В.-Е.-Б. Кастелана. Прежний интерес, сосредоточенный почти исключительно на крупных исторических фигурах, начал постепенно сменяться вниманием к простым офицерам и солдатам. Выход в конце XIX в. многочисленных полковых историй был отражением той же тенденции. Французы, как нация, которую постигла трагедия, искали духовную опору в своей великой истории, причем в истории не только полководцев, но и всего народа. Память о Бородинском сражении теперь оказалась, с одной стороны, «оплодотворена» образами простых офицеров и солдат Франции, наполнена человеческой теплотой, но с другой стороны, – не могла не избежать еще большей мифологизации. Наконец, французская историография Бородина стала утрачивать свою ан-

тирусскую и «антиварварскую» заостренность. Для Франции начался поиск стратегического союзника, которым в те годы могла стать только Россия, и это заставляло французов подвергать образы своей исторической памяти заметной корректировке (особенно показательны в этой связи работы А.-Н. Рамбо и Л. Пинго). В конце XIX в. вышел в свет солидный труд статиста французской армии А. Мартиньена, сделавший доступными данные о потерях среди офицерского состава Великой армии. В начале XX в. документальная база расширилась благодаря публикациям Г. Фабри, А. Шюке, Дерекэга и Терно-Компана. Тогда же состоялась публикация значительного количества воспоминаний, дневников и писем французских участников событий (мемуары генералов А.-Б.-Ж. Ван Дедема, Ш.-Н. д'Антуара, Ф.-А. Теста, дневники капитанов Ш. Франсуа и Г. Бонне и др.). Однако ни одной исследовательской работы, которая бы обращалась к теме Бородина, издано не было. Публикации документальных материалов, казалось, должны были только подпитывать уже устоявшиеся образы прошлого. Интерес французских историков к кампании 1812 года и Бородину возродился только во 2-й половине XX в. Историки Л. Мадлен, Ж. Тири, Т. Гранье и Ж. Карминьяни, Ф. Уртуль развивали ставшую традиционной для французской историографии картину Бородинского сражения, в основном, как бы иллюстрируя образ «французского» Бородина. Работы К. Грюнвальда, Б.-Ж. Ле Сеньёра и Э. Лакомба, отразившие попытки более критического восприятия событий, смотрелись явным диссонансом на фоне общей героизированной картины.

Важной особенностью «конденсации» исторической памяти немцев о Бородине стал изначальный взгляд на него сразу с трех позиций: во-первых, тех, кто воевал в составе Великой армии; во-вторых, тех, кто накануне добровольно перешел в русскую армию, оставив, чаще всего, прусскую службу (К. Клаузевиц, Л.Ю.Ф.А. Вольцоген и др.); в-третьих, тех, кто, будучи по языку и во многом по культуре немцем, был с рождения

российским подданным и изначально служил в русской армии (К.Ф. Толь, В.Г. Левенштерн и др.). Это предопределило тесное переплетение немецкой историографии Бородина с русской и, отчасти, французской историографией. На протяжении 20–30-х гг. XIX в. немцы неизменно сохраняли интерес к эпохее 1812 года и Бородинскому сражению, уделяя основное внимание в своих работах (книги Р. Бомсдорфа, Бретшнейдера, К. Церрини, Г. Рооса, К. Клаузевица, Ф. Штегера, Ф. Рёдера и др.) решающей роли германских воинских контингентов в сражении, а также неблагодарной забывчивости и «пустому бахвальству французов». Многие немецкие авторы тесно связывали образы памяти 1812 года с широкой идейно-политической борьбой, которая развернулась в Германии в преддверии революции 1848–1849 гг., обращая внимание на то, что в 1812 г. космополитическая идея объединения Европы столкнулась с пробуждавшимся духом наций. Эта традиция была продолжена и в работах 50-х гг. XIX в. (Г. Байцке, Г.Э. Рот фон Шрекенштайн и др.), в которых нередко оспаривались «поэтические истории» о Бородинском сражении, рожденные французскими авторами. На решающую роль немцев в том, что русская армия все же не была уничтожена под Бородином, указывали Вольцоген и автор биографии К.Ф. Толя Т. Бернгарди. Последний автор оказал большое влияние на представления К. Маркса и Ф. Энгельса о войне 1812 года и Бородинском сражении. На протяжении 60–90-х гг. XIX в. память о Бородине продолжала оставаться важным формирующим элементом немецкой политической, исторической и военной культуры. Особый акцент в книгах этого времени (воспоминания Ф.Л.А. Меерхайма, К. Зуккова, К. Шеля, К.А. Веделя, работы К. Блейбетрау, М. Дитфурта, К. Остен-Сакена и др.) делался на бессмысленности жертв, понесенных народами германских государств ради интересов французского императора. Наибольшую известность приобрели вышедшие в начале XX в. работы П. Хольцхаузена, со страниц которых вставала сложная картина взаимоотношений наций в составе Великой ар-

мии. После поражения Германии в Первой мировой войне немцы на время отказались от романтически-воинственных оценок событий наполеоновской эпохи. Но с приходом к власти нацистов картина изменилась. 1812 и 1813 годы превратились в прообраз 1933 г., и на страницах ряда изданий (работы Р. Блашке, Е. Бланкенхама и др.) рождалось «гитлеровское» Бородино, наполненное героическими поступками немецких воинов, не имеющих ничего общего с космополитическим духом Запада и рождающих подлинный дух немецкой народной свободы. Военные действия в России, начавшиеся в 1941 г., заставляли немцев проводить прямые параллели с 1812 г., воскрешая образы 130-летней давности. После 1945 г., когда начался путь преодоления немцами трагедии нацистского рейха, события наполеоновских войн продолжали оставаться важной психологической опорой. Однако, если историки ГДР (нередко заимствуя тезисы советских авторов) проводили параллель между предательством немецкими монархами в 1812 г., превратившими своих солдат в пушечное мясо Наполеона, и государственными деятелями Третьего рейха (А. Абуш, Л. Штерн и др.), то историки Западной Германии отделяли честный солдатский профессионализм как 1812, так и 1942 г., от авантюристичности германских политических деятелей начала XIX в. и 40-х гг. XX в. (Г. Риттер, В. Пихт и др.). Своеобразным отражением новой Германии, во многом ставшей интегрированной частью единого Запада, явился выход работ Д. Смита (ранее публиковавшегося под именем О. Пивки), британца, живущего в Германии, и пытающегося связать особенности немецкой исторической литературы о 1812 годе с англо-американской историографической традицией.

Польская историография стала формироваться после поражения восстания 1830-1831 гг. в атмосфере явной романтизации событий 1812 года. Работы С. Богуславского и Р. Солтыка, вышедшие в 30-е гг. XIX в., отличались явной антирусской направленностью и превознесением роли поляков в победе над «московитами» под Бородином. Но окончательное ста-

новление традиций «польского» Бородина произошло только в 20–30-е годы XX в. благодаря трудам М. Кукеля. Именно в годы реального возрождения польской государственности образ Бородина был вновь востребован национальным сознанием. Несмотря на демонстративную объективность, Кукель постарался в максимально выгодном свете представить действия поляков, фактически приписав им весь успех Великой армии в сражении 7 сентября. Память о польских героях 1812 г. энергично поддерживалась и в «народной» Польше. Несмотря на то, что польские авторы 50-70-х гг. старались воздерживаться от откровенно антирусских выпадов (С. Ашкенази, Б. Грохульска, Г. Зых и др.), они полностью сохранили подходы и оценки Кукеля. Выход в свет в 1984 г. сборника документов, подготовленного Р. Билецким и А. Тышкой, продолжил эту традицию.

Начало итальянской историографии следует связывать с выходом в 1826-1827 гг. книги Ц. Ложье, участника событий 1812 года. Несмотря на очевидное влияние французских работ, на страницах его книги впервые появился итальянский солдат, охваченный духом военного соревнования и стремления к славе. Новое обращение итальянских авторов к образам кампании 1812 года произошло только в середине XIX в. (Ф. Туротти, Ф. Пинелли), а затем – в 1912-1915 гг. (Дж. Капелло, Е. Саларис). Эти работы не внесли чего-то нового в изучение Бородина, но заставляли итальянцев вновь вспомнить о заметной вехе в их истории. В последний раз обращение итальянцев к событиям Бородинского сражения произошло в 1940 г., когда фашистские власти переиздали книгу участника Русской кампании Б. Бертолини, «славного итальянского кондотьера». Фрагментарность интереса, проявляемого итальянскими авторами к истории Бородина объясняется как слабым развитием национального самосознания в эпоху 1812 г., так и поверхностным влиянием бородинских событий на национальную память жителей Италии.

Британская и американская историография демонстрируют пласт ис-

торической памяти тех народов о Бородине, которые в сражении не участвовали. Эти народы предлагают своего рода взгляд со стороны на историю сражавшихся под Бородином армий. В Британии, которая была жизненно заинтересована в поражении войск Наполеона в России, заметный интерес к Бородинскому сражению сохранялся на протяжении 1812–1815 гг. В эти годы были изданы работы Дж. Хемингуэя, Дж. МакКвина, Р.К. Портера, которые, впрочем, были поверхностны. По этой причине основоположником британской традиции изучения Отечественной войны 1812 года принято считать В. Скотта, опубликовавшего в 1827 г. «Жизнь Наполеона Бонапарта», и пытавшегося дать вполне взвешенную картину Бородина, по достоинству оценивая усилия обоих противников. Он же привлек внимание к эмоционально-психологическому фактору, во многом предопределившему исход сражения. Последний момент нашел развитие в работах А. Алисона и Дж. Каткарта. В 1860 г. была опубликована работа Р.Т. Вильсона, бывшего британским комиссаром при Главной квартире русской армии в 1812 г., в которой автор высоко оценил действия как русских, так и французских войск. Однако главную роль в поражении Наполеона в России сыграло, по его мнению, не Бородино, но «вялость неприятеля». Все выходившие в Британии на протяжении нескольких последующих десятилетий работы (Ч.А. Файфа, Х.Д. Хатчинсона, Р.Дж. Бартона и др.) фактически повторяли выводы Вильсона. И все же, несмотря на отсутствие оживленных дискуссий о Бородине в британской историографии, его образы прочно держались в памяти британцев. В преддверии Первой мировой войны и в ее ходе представления англичан о стойкости русских были важным фактором доверия к России как к союзнику. Однако в межвоенный период интерес в Британии к войне 1812 года заметно угас, и только в 1950-е гг., уже в условиях «холодной войны», англичане вновь вспомнили о походе Наполеона в Россию. В книге У. Джексона (1957) исследовалась природа «русской силы». В 1966 г. вышло фундаментальное издание Д.

Чандлера «Кампании Наполеона», в котором автор уделил значительное внимание событиям 1812 года и Бородину. Подход Чандлера отличал взвешенный военно-исторический анализ событий, учет воздействия политических и «человеческих» факторов, стремление к объективности в оценке действий противоборствующих сторон. Книга отразила важный процесс ухода из британского сознания наполеонофобии и замещение ее до некоторой степени восторженным отношением к Наполеону. Эти черты книги Чандлера получили развитие в работах А. Палмера, Р.Ф. Делдерфилда, Э. Бретт Джеймса. Наиболее пристально исследовал события Бородина К. Даффи (1972), проявив критический интерес к источникам, в том числе и русским. Стремлением через исследование военного мундира проникнуть в «человеческий» контекст эпохи отличались работы Ф. Дж. Хэйтонтуэйта и О. Пивки. В работе П. Бриттен Остина (1993) на основе талантливой переработки почти 100 воспоминаний участников Русского похода удалось представить эмоционально-психологическую атмосферу, в которой пребывала Великая армия в период Бородинского сражения. Последней по времени выхода в свет является книга Д. Смита, англичанина, живущего в Германии, в которой он широко привлек немецкие и, в меньшей степени, русские материалы. В целом, британская историография демонстрирует высокую степень беспристрастности и готовность воспользоваться широкой документальной базой вне зависимости от ее национального происхождения. Тем не менее, британские авторы совершенно игнорируют неопубликованные материалы, а нередко обходят решение спорных вопросов, предпочитая избегать критического взвешивания всех «за» и «против».

В США, несмотря на заметный интерес к Русской кампании в период наполеоновских войн, заметного внимания к 1812 году и Бородину не проявлялось вплоть до конца XIX в. На рубеже XIX–XX вв. были изданы работы В. Слоона, Х. Джонса, Е. Фурда и Х. Беллока. Они не отличались

оригинальностью, повторяя фактологический материал книг британских авторов. Элементы новизны были только в работе Т. Доджа, который делал вывод о поражении русских при Бородине, так как они оставили поле боя, но указывал, что и для французов это была «пиррова победа», что означало провал всей кампании. Работы, вышедшие в США вплоть до 80-х годов XX в. (Л. Страховского, Л. Яреша, В. Дж. Эспозито и Дж. Р. Элтинга), не внесли чего бы то ни было нового. Только в 1985 г. К. Кэйт опубликовал оригинальное исследование, где на основе обширного комплекса опубликованных документов (в том числе и русских) заострил внимание на роли под Бородином случая, который зависел как от характера взаимоотношений отдельных людей, так и от трудно объяснимого стечения обстоятельств. На рубеже 80–90-х гг. XX в. вышли работы Дж. Нафзигера и Р.К. Рьена. Если книга первого автора отличалась отсутствием критического анализа источников и чисто «механическим» изложением событий, то Рьен смог дать характеристику качественного состояния «человеческого материала» Великой армии и попытался оценить возможные последствия введения Наполеоном в бой гвардии. В целом, интерес американцев к Бородину проявлялся эпизодически, явно повысившись к середине XX в. в связи с идеей сверхдержавности. Американская историография оказалась во многом связанной с британской традицией, восприняв ее как положительные (стремление к известной беспристрастности), так и негативные (пребрежение масштабным использованием первоисточников) качества.

Таким образом, народы, воевавшие под Бородином, или наблюдавшие за событиями того времени со стороны, обращались к образам этой битвы на протяжении всей своей последующей истории, интерпретируя память о ней в зависимости от переживаемых ими в тот или иной момент событий. Народы находили в этой памяти то источник духовной стойкости, то примеры мужества и воинской чести, то импульсы, формирующие чувство национальной общности, которое иногда могло перерасти в

национальное чванство или фобию. Все это предопределило вполне естественную «деформацию» при воспроизведении и интерпретации «национальными историографиями» событий и последствий Бородина. Нередко картина этого сражения приобретала освященный традицией набор образов и суждений, которые, будучи односторонними, искажали подлинную историческую реальность.

Историографические традиции в каждой стране, будучи отражением исторической памяти о Бородинском сражении, являют собой в значительной степени национально-замкнутые интерпретации событий прошлого.

Дальнейшее изучение зарубежной историографии Бородина было бы важно расширить до уровня изучения образов 1812 года в национальной памяти. Пожалуй, эта задача является более сложной, чем простое выявление историографических традиций. Она требует обращения к сфере изобразительного и монументального искусства, к беллетристической, научно-популярной и пропагандистской литературе, к фольклору и т.д. Только один пример из сферы торговой рекламы сегодняшнего дня. В Британии (по-видимому, в 2001 г.) появился хлеб «Бородинский», который производит фирма «The Village Bakery». Чтобы хлеб хорошо продавался, реализаторы придумали маленькую историю об этом хлебе. Будто бы его испекла перед сражением у Москвы по старым рецептам жена одного русского генерала, а затем раздала этот хлеб солдатам. Запах и вкус этого хлеба так глубоко наполнил ощущения солдат чувством родины, что они выстояли и заставили французов в расстройстве отступить. А хлеб тот получил название «Бородинский». Употреблять его, как рекомендует фирма, лучше всего с украинским салом. Вот так современная торговая реклама, в разрез со всякими там британскими историографическими традициями воздействует на массовые представления англичан о Бородине!